

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

заполонили заросли высоких камышей. Шелестящей волною гонит ветер их пушистые метёлки: вот-вот захлестнёт она пять-шесть домиков, приткнувшихся к самому морю.

Из густых зарослей камыша вынырнула юркая лисица, принюхалась и, видимо, неудовлетворенная, повернув острую мордочку в сторону человеческого жилья, старалась подкрасться к загону для ягнят и козлят.

Токтышак и на сей раз заметил эту воровку, шерсть которой, вылиняв и обновившись, теперь горела как огонь на снегу.

— Бабушка моя на заднем дворе смотрит за скотиной. Она говорит: когда я вырасту, поставлю капкан и поймаю тебя. А пока живи. Жди, когда я вырасту, — поучительно обращается малыш к лисе, которая убегает от него скорее по осторожности, чем со страху.

— Отправишь шкурку в город, к своей матери, которая каждый год мужей меняет, — кричит он лисе вдогонку бабушкины слова. — Голова у неё прохудилась, оттого и мозги выветрились. Пусть хоть сошьёт себе шапку...

Да, не жалуется бабка его мать.

Токтышак, с рождения опекаемый бабушкой, ничего не знает о своём отце. Как-то мать всего-то и сказала про него: «Не разглядела вовремя, слабохарактерным оказался, собака! Ревнивый, да еще такой мелочный...» А уже следующим летом привела с собой безбородого какого-то пройдоху. Очередной весной — видного, с холеными усами. К зиме, когда резали сугум, явилась со смуглым бородачом. Потом, передавая бабушке привет из города, заявила: «Всё, прекращаю выходить замуж за казахов. Теперь полностью займусь чисто торговлей...»

Наверное, магазин открыла.

Ближе к полудню с пристройки для скота, припадая на правую ногу, выходит старуха. В белеющей шали, она окидывает взором горстку приткнутых в морской заводи домов, дым которых испуганно разлетается в разные стороны, и, в силу застарелой привычки, начинает голосить:

— Ох, лучше бы я кормила черных ворон, чем растила дочерей!.. Одну живьем потеряла, другую лихая забрала-а-а...

Похоже, её горькие причитания спугнули сладкую дрему соседних домов. Сначала в ближнем доме, под белой крышей, раздался шум-гам, потом ругань. Наверное, дядя монтер со своей черной, как сыромятина, женой опять чего-то не поделили. Однако ссора не превратилась, как обычно, в гонку с преследованием — искры погасли, не успев разгореться. В лучшем случае до вечера — вечером битва возобновится. Бабушка, не полюбившая сварливую соседку, опять хмурится: «Язык у неё — словно коцера. Шурует им как ни попадя, совсем извела бедного мужика».

Дверь дома без кровли, находящегося справа, настезь распахнулась, и из него наружу вывалился

ТОКТЫШАК И ЛИСИЦА

Светлой памяти Мусы и Калдана

Мартовское солнце на пару с порывистым ветром принялось изъедать твёрдый снежный покров. Земля, медленно высвобождающаяся из-под ледяного савана, не подавала пока признаков жизни, но была уже в предчувствии преобразования. Всё побережье

Пшенбай, щёки которого были пунцовые, а замасленные глазки блестели.

— Живо собирайтесь! Буру¹ кастрировать будем! Будь он неладен!

Следом за Пшенбаем, которого еще величают «управляющим фермой», хотя он давно вылетел из начальников, показалась напоминающая ручную колотушку голова его прислужника Науканбая. Взлохмаченная заячья шапка повернута задом наперёд.

— Так ему и надо! — кричит его нервно передернутый рот. — Где это точило?!

Токтышак чуть не прикусывает губу.

Хозяином дома без кровли был когда-то худой старичок, не имевший отношения к тамошним спорам-раздорам и всю жизнь безропотно пасший скот. Когда началась приватизация, никакой доли ему не досталось. Оставили несколько голов мелкого скота, которым можно было управлять одним свистом. Именно тогда, говорят, и замаслились глаза Пшенбая.

Простоватым был незабвенный старик.

Когда с овцематок получил большой приплод, его с почетом пригласили в райцентр. Там состоялось торжественное собрание, со всех концов для «обмена опытом» съехался народ. Полнеющий молодой человек, из районных начальников, взяв под руки худого старика, вывел его на трибуну. Представил «ветераном», «передовиком производства» и велел рассказать собравшимся секреты того, как он пасёт скот и как обновляет пастбища. Публика затаив дыхание прямо в рот заглядывала пастуху, словно и на самом деле хотела узнать какую-то новую тайну.

А что он мог рассказать, никогда в жизни ни перед кем не державший речь и никому не отдававший приказов, не считая членов своей семьи?

Но дед за словом в карман не полез!

— Если считать всех здесь сидящих за отару овец, — охватил он жестом правой руки зал, — то до полудня пасу в той стороне, — показал той же рукой на восток. — Когда тени к полудню становятся короткими, гоню к озеру на водопой. И сам тоже с наслаждением пью чай своей старухи, приправленный сливками. Потом немного подремлю, — и он прямо на трибуне показал, как именно дремлет. — А как только наступает вечерняя прохлада, гоню стадо туда, — показал рукою на запад. — И всё.

Народ и так понял, что всё. В этот момент упитанный молодой начальник, с почетом выставивший старика перед аудиторией, истошно завопил:

— Хватит, достаточно, ой-бай! Лучше расскажите, как вам удаётся получать столько ягнят, и на этом закругляйтесь!

— Э, овцематки теперь оплодотворяются по науке, — вздохнул на трибуне старик. — Баранов-производителей жалко. Как недели им эти фартуки,

так и перестали они липнуть, как прежде, к этим овцам. Стоят и смотрят понуро, как евнухи. Потом...

Тут уж молодой начальник, округлившийся как спелая вишня, быстренько стащил его с трибуны. Кое-как вытащил старика сквозь хохочущий зал, посадил на гнедого конька и отправил восвояси.

Потом бедного старика этот бывший управляющий фермой призвал на помощь под предлогом перемены зимовки. Пожалел для него свою откормленную ездовую лошадь. Дал верблюда-самца, горбы которого были высотой с большого ребёнка, и поручил перегонять целое стадо коров. А как мог созревший к январскому спариванию и оттого мечущий пену бура подчиниться тщедушному человечку, голова которого едва выглядывала из-за его горбов? Он затаил злую обиду на старика за то, что тот хлестал его камчой по крупу, а когда почувствовал свое окончательное превосходство, случилось непоправимое: стоило старику зазеваться, верблюд развернул свою мощную, изборожденную складками шею и схватил старика за бедро зубами. Сорвал несчастного с горбов, отшвырнул в сторону, вырвав при этом кусок мышцы. Затем в ярости, присев на задние ноги, стал топтать передними. Единственный сын, видевший гибель отца, разбросанные по снегу внутренности, сошёл с ума...

Визгливо залаяла собака. Дворняжка черной масти. Выскочив из дверей невысокого домика, помчалась в сторону соседнего аула как бы по неотложным делам. И каждый день так. Собака Жамиги. Так и не окрасив свой подол, тётушка развелась с мужем. Аскербек, женившись на старой деве из соседнего аула, теперь уже имел ребёнка. Об этом, конечно, собака не знала. Вернее, не могла понять, почему они живут теперь в разных местах. Вначале сильно скучала. Скучая по Аскербеку, подбегала к каждому, словно спрашивая о нём. Но потом, увязавшись за людьми во время праздников, нашла-таки своего хозяина. После этого жизнь москы круто изменилась. Переночевав у тётушки Жамиги, наутро мчитя в сторону соседнего аула, высоко выкидывая короткие, как бы увечные лапы.

— Была-то как белый шёлк! Как белый шёлк... Как же мне теперь жить-то? — опять донеслись до Токтышака бабкины завывания.

Вновь и вновь горюет старуха.

«Как белый шёлк», — это она о сестре Токтышака. К той проклятой весне она вышла замуж. Зять их оказался горбоносый, красивым парнем с пронзительным взглядом. Пять-шесть домов у побережья сами, вскладчину, проведя то ли свадьбу, то ли круговую вечеринку, выдали её замуж. Но радость длилась недолго. Через неделю сестра, что и впрямь была «как белый шёлк», покончила с собой, бросившись под поезд. Вину крошечный аул свалил на её мужа...

Единственный сын покойного старика опять в приступе бешенства. Выскочил из дома, зрочки закатились, в руках большой охотничий нож.

¹ Бура — верблюд-самец.

— Обманул, что принесёт в жертву на поминках моего отца... А выхолостив буру, превращу в атана!.. Отца убил не бура — Пшенбай! Сейчас кастрирую его самого... Пусти да пусти!.. — Чьи-то руки изнутри дома пытаются удержать его на пороге. — Пусти! — оттолкнув визжащую мать назад, в дом, устремляется на скотный дворик.

Опять возобновились причитания бабушки:

— О ком мне ещё горевать-то!..

Разве найдёшь в наше время заглушку для ртов простолоудинов?

— Слышали, наша девушка, которую, мы, спотыкаясь, еле-еле выдали замуж, в первую брачную ночь даже, говорят, не пискнула. Оказалась вовсе и не девушкой. Не мог такое оскорбление выдержать тот остроглазый, горбоносый дурень: дал волю своей обиде. Отхлестал по щекам... Сгорая со стыда, она кинулась под поезд, реветший, словно бура во время гона... Зятек на суде, говорят, и глазом не моргнул. Только и сказал-то всего: «Я требовал того, что мне полагалось». Гордый мужик...

— Спасите, люди!

Из толпы в пять-шесть мужчин выскочил Пшенбай, прикусив зубами свою вздорную душу и стремглав огибая скотный двор. Сын покойного старика, размашивая огромным тесаком, скакал за ним вдогонку.

— Сейчас кастрирую. Кас-три-ру-ю!

Верблюды на них смотрят в недоумении, отрыгивая пену на грунт.

Притих пронизывающий ветер, небо заволокли тяжелые тучи. Лениво сгрудившись, словно верблюды, насытившиеся бурьяном и трущиеся друг о друга боками, они низко жмутся к земле. Сероватый воздух набух сыростью. Поросший по всему побережью высокий камыш тихо шелестит, покачивая бархатными шапками. Глядишь, вот-вот и затянется мягкая петля на горле горсточки домиков, запертых у побережья. Показавшаяся из камышовой чащи голодная лиса, принохиваясь, вновь наостряет мордочку в сторону маленького аула.

— Побудь пока среди нас, сверкая своей огненной шкуркой, поживи, — говорит в ее сторону загрустивший мальчик. — Чего мы добьемся, поймав тебя? От красивой шапки моя мать умнее не станет.

Привыкающая к Токтышаку лиса осторожно, раз за разом, подбегает все ближе и ближе.

— Тебе хорошо! — обращается маленький сторож к лисице. — Нет у тебя ни чужого отца, ни дерущихся соседей. Нет друзей, которые дразнят в школе из-за драного полушубка, оставшегося от деда. Даже нет сестры, такой «белой как шёлк», которая умерла, говорят, от собственного стыда. На этом свете одна она и могла, прижав к груди, пожалеть...

Много чего хотел сказать мальчик, но вдруг, не справившись с комом в горле, задохнулся в слезах.

Снег повалил хлопьями. Солнце начало закатываться за горизонт. Наступают быстрые сумерки.

Малыш нехотя поплёлся в аул, из которого пытался убежать, зарёкшись больше не возвращаться...

— Жеребёночек мой, заходи в дом! Это первый предвесенний снег. Пусть идет немного, — хлопочет бабушка, прихрамывая на правую ногу, и с мешком кизяка за спиной шагает внутрь неказистого жилища, стоящего на склоне побережья...

Дядя-монтёр сегодня снова напился: его обычная ругань с темной, словно сыромятина, женой свободно долетает и до их слуха.

— Родила семерых дочерей! И хотя бы одного сына, пусть хоть с жабьей головой! — возмущается он, что-то круша вокруг себя. Гром посуды.

Следом ещё выше взлетает женский голос:

— Ложилась, чтоб распустились твои побеги... Я-то при чём? Я что, мешала тебе зачать сына?.. Потвоему, я из отцовского дома пригнала отару девочек? — Женщина с языком-кочергой, шуруя угасающую золу, вновь разжигает ее.

— Пень-пнём... Косолапый увальень... А ещё хочешь сына заступника... Посмотрела бы я, поставит ли он надгробный камень у твоей головы. В лучшем случае будет как этот псих, как бура, гонящийся за Пшенбаем... Попроси совета у Аскербека, он лучше знает подход к старым девам...

— Какое тебе дело до чужого мужа? Побродит, глядишь, и вернется на привязь! — вставила утомленным голосом Жамига, быстро запирая дверь на засов.

— Не для того, чтобы унижить тебя. К примеру, я говорю просто к примеру, — донёсся ответ с другого двора.

Первый мартовский снег дружелюбно повалил липкими хлопьями. Крупными, как луковичные соцветья. Токтышак не заходит в дом. Решив слепить снежные фигуры, стал катать влажные комья.

Дядя-монтёр опять надевает на ноги свои железные когти.

— Ушёл! — орёт он.

Но не идёт в сторону соседнего аула, где много старых дев, а карабкается на вершину столба рядом с его же домом. Это у него уже стало привычкой: обычно он лезет на столб тогда, когда уже не может справиться со сварливой женой. Словно сжавшийся кулак, угрожающий небу, сидит там, не слезая, до утра...

Увлёкшись игрой, Токтышак согрелся. Катая с горки снежные комья, поставил в ряд несколько снежных фигур. К голове каждой из них прилепил из коровьего кизяка глаза, нос, рот. Вместо копья вручил каждой фигуре по длинной камышине с пушистым наконечником и, громко выкрикивая, дал имена: Кобланды, Алпамыс, Чапаев, Бауыржан Момышулы, Касым Кайсенов¹.

— Завтра вместе отправимся в поход. Не оставляйте меня здесь, заберите с собой далеко-далеко. Никого я не хочу видеть.

¹ Легендарные богатыри.

Генеральный**директор***Олег Болдырев***Художественный****редактор***Татьяна Погудина***Заведующая****распространением***Ирина Бродянская*

Отпечатано

в АО «Красная Звезда»

Россия, 123007, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 2 500 экз.

Уч.-изд. л. 10,0.

Заказ № 7041-2017

Адрес редакции:*Россия,**107078, Москва,**Новая Басманная, д. 19***Телефоны***редакции:**8(499) 261-84-61**отдела распространения:**8(499) 261-95-87***Факс:***8(499) 261-49-29***E-mail:***roman-gazeta-1927@yandex.ru***Сайт:***www.roman-gazeta-1927.ru*

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Отклоненные рукописи

сохраняются в течение года.

Проснулся Токтышак лишь поздним утром, всю ночь вода за собой своих батыров и ввергая их из одной битвы в другую. Вчерашние хмурые тучи откочевали за горизонт. Дул теплый ветерок, играя солнечными бликами. Взгляд его упал на черную дворнягу, мчащуюся во всю прыть из соседнего аула. До сих пор ей, видимо, невдомёк, почему же эта пара, к чьим рукам она привыкла с самого появления на свет, разбежалась так далеко друг от друга?! За два года собачка уже протоптала тропинку между селениями. Ни лютый январский мороз, ни июльская изнуряющая жара не действуют на неё. Облизав собачью миску, Жамиги тут же спешит к новому дому Аскербека, где лакает скудные помои его новой жены. Целый день крутится возле ног хозяина, а затем снова, как обрывок пыльного вьюна, несётся к законной хозяйке. И опять выслушивает упрёки тётушки Жамиги: «Ну, накормила тебя эта старая дева? Может, и ты хочешь у нее пригреться?» Словом, работа у псины авральная. Мчится, стелаясь над землей, будто короткие ножки несут ее сами по себе. А глаза, полные тоски, так и хотят выплеснуться наружу.

— Эта собака в конце концов умрёт, наверное, — повторяет слова бабушки Токтышак. — Пойдем, ну, пойдем же! Так и быть, налью тебе молока. А то ведь глотка совсем пересохла, бедненькая!

Над головой, посвистывая крылом, пролетает стая диких гусей.

— Я отправлюсь в поход, чёрный пёс, — говорит мальчик, глядя на собачку, жадно лакающую молоко. — Пойдём со мной вместе! Сначала нападу на аул, где много старых дев. Отомщу за тебя. Потом на тех, кто вынудил мою мать заниматься торговлей — безбородых пройдох, холёных усачей, чернолицых бородачей...

Убийца-бура в загоне, пытаясь высвободиться, неистово хрипит и скрежещет зубами... И вдруг стихает. Где-то в тёмном углу дома ещё вчера утихомирился и блаженный сын пастуха...

— Идём вместе к моим батырам.

Мальчик и дворняжка идут за дом. И Кобланды, и Алпамыс, и Бауыржан Момышулы, и даже Касым Кайсенов, оказывается, подтаили и повалились набок. Только герой Чапаев, прикусив кизяк, всё ещё держался. Камышовые копья беспорядочно попадали тут и там.

— А я же поверил вам! — заревел в голос Токтышак. — Разве вы не герои?! На кого мне теперь надеяться?! Нет у меня опоры, кроме вас.

Выйдя из густых камышей и горя огнём обновлённой шкуры на хребте, лисица грустным сдавленным тьявканьем подзывает мальчика к себе. Зовёт за собой. В вечное и бездомное путешествие.

2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Плач Чингис-Хана	1
Актриса	21
Амазонки нашего аула	26
Гостинцы из Китая	29
Зеркало	33
Злато зарытого клада	36
Карта Нобеля	40
Коротая путь	44
Мона Лиза	46
Отверженный мир	49
Отголоски	52
Поезд Атырау—Алматы	60
Посиделки	62
Предатель	67
Прятки	70
Танец	73
Токтышак и лисица	77